



ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. П. ГОРБАЧЕВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДЕЖДЫ*

1. Введение

Для истории материальной культуры история одежды имеет важное значение. Однако она еще мало изучена. Буржуазная наука, преимущественно этнография, в течение почти ста лет тщетно пыталась решить вопрос о происхождении одежды. Споры сводились к обсуждению трех основных причин, вызвавших по предположению исследователей появление одежды: 1) стыда (мотивы морали), 2) украшений (эстетика) и 3) защиты.

Первые две причины были явно идеалистическими. Третья причина — защита от холода — вносила материалистический элемент. Поскольку попытки отрицания этой последней причины были явно несостоятельны, исследователи из идеалистического лагеря вынуждены были признать ее для объяснения происхождения «северной» — наплечной одежды, придерживаясь какой-нибудь из двух остальных «причин» для истолкования появления «южной» — набедренной. Но сторонники «защиты» доказывали, что и такая одежда могла произойти вследствие необходимости защиты от укусов насекомых и укулов колючек. Поэтому идеалистическая реакция на рубеже XIX и XX вв. стала бороться с такой точкой зрения добавлением множества вариантов к первым двум гипотезам (ревность мужчин, падение нравственности, стремление нравиться или выдвинуться из окружающей среды, «символика» украшения и одежды и т. д.), а также ссылками на биологию, физиологию, «свойства рас» и прочее.

Искали и новых идеалистических причин для лучшего объяснения происхождения одежды. Но новые «причины», большей частью сексуального и анимистического характера (например, взаимное влечение полов, охрана от злых духов, обряды первобытной магии), касались только женской юбки и оказывались столь нежизнеспособными, что вскоре умирали естественной смертью. Идеалистическому лагерю приходилось возвращаться к старым «причинам» и обсуждать их вновь, не подвигаясь вперед и не приходя ни к какому единству. К 1920-м гг. в зарубежной этнографии заговорили даже о полной невозможности разрешить вопрос о происхождении одежды.

Эти неудачи объясняются тем, что все «причины» были только априорными домыслами, опиравшимися в лучшем случае на произвольно

* Статья печатается в порядке обсуждения.

взятые этнографические примеры, приводимые без всякой исторической связи. Кроме того, о каких бы причинах происхождения одежды ни шла речь, но движущей силой (или фактором) при этом всегда оставалось сознание первобытного человека, руководившее будто бы им в то время, когда он «изобретал» или «придумывал» одежду или «нападал на мысль» о ней. Таким образом, все гипотезы, даже гипотеза «защиты», по существу решались идеалистически и были бессильны подметить закономерность и обусловленность культурных явлений. Идеалистический фактор (сознание), неизменный во всех буржуазных гипотезах, скрывался за внешне эффектными рассуждениями о «причинах» и оставался неразоблаченным.

Даже в Советском Союзе появились по вопросу о происхождении одежды совершенно чуждые теоретизирования, претендовавшие на марксизм. Наиболее развернутой из них была выдвинутая в начале 30-х гг. теория Гринковой — Супинского, по которой русская понева выводилась из украшения, а в качестве фактора ее возникновения фигурировала первобытная магия. Идеалистическая сущность этой теории была скрыта под поверхностным социологизированием и «лингвистическим анализом» в духе Н. Я. Марра. На деле же проводились взгляды Леви-Брюля и других реакционных зарубежных авторов¹.

Однако подобные взгляды в настоящее время — исключение. Советская исследовательская мысль в основном шла по другому направлению. Высказываемые в этнографической и археологической литературе мнения поддерживали гипотезу «защиты». Советские этнографы не могут считать сознание движущей силой развития. В некоторых советских работах стремление к защите именуется уже не причиной, приводящей к изобретению одежды, а фактором, содействующим образованию ее. Но при такой формулировке окружающая природа, вызывающая это стремление к защите, оказывается активной силой, руководящей человеком при создании одежды. Такая точка зрения неверна, потому что природа может непосредственно влиять на живые организмы и содействовать их перестройке и приспособлению к суровому климату, может вызывать и в человеке потребность согреться, но дать ему средство удовлетворить эту потребность и создавать конструкцию одежды она не может. Ведь главной силой в системе материальной жизни общества является не географическая среда, а «способ производства материальных благ — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться»².

Поэтому вполне закономерны попытки некоторых советских исследователей выяснить роль труда в процессе создания одежды. Но как определить эту роль? Каким образом человеческий труд породил одежду? Некоторые искали разгадки в производственных отношениях, другие хотели установить связь между усовершенствованием техники орудий труда и покроем одежды³. Все эти попытки не привели еще пока к удовлетворительным результатам.

Вопрос о происхождении одежды только тогда получит надлежащее разрешение, когда процесс ее создания будет тесно увязан с процессами ее дальнейшего развития, при учете влияния географической среды и всех общественных и культурно-хозяйственных условий. Построение такой теории дело нелегкое, но в Советском Союзе вполне возможное,

¹ Н. П. Гринкова. Очерки по истории развития русской одежды, «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 66—94; А. К. Супинский, Понева и вставка в белгородской одежде, «Советская этнография», 1932, № 2, стр. 102—136.

² И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме, Вопросы Ленинизма, т. II, стр. 550.

³ См. А. Я. Барсуков. Первобытная община, Путеводитель Гос. исторического музея, М., 1938, стр. 9.

так как накоплен большой фактический материал по одежде народов СССР и созданы кадры исследователей. Проблема происхождения одежды это не только узко специальный вопрос; правильное решение его будет иметь большое значение для всей истории материальной культуры.

Настоящая статья представляет собой краткое изложение взглядов исследователя, посвятившего многие годы изучению данной проблемы и желающего поделиться своим опытом с другими с целью привлечения внимания к мало еще разработанной теме⁴.

2. Определение понятия «одежда»

До сих пор нет четкого определения понятия «одежда». Каждый толкует его по-своему. Ю. Липперт, например, после нескольких вариантов признает «настоящей одеждой» только «нижнюю», т. е. домашнюю, и при этом шитую одежду или «платье»⁵. Анна Левин-Дорш пишет: «Мы, может быть, затруднились бы признать одеждой шнурок, носимый вокруг бедер дикарем, или кольца на ногах и руках первобытного человека, а между тем все это подходит под понятие одежды в широком смысле слова», и дальше признает окрашивание тела и татуировку за «начало одежды»⁶. Б. Ф. Адлер, наоборот, утверждает, что жители Огненной Земли «не носят одежды, а голые ежатся у своих костров, от времени до времени прикрываясь шкурой»⁷, следовательно, он шкуру не считает одеждой. Г. Мютцель говорит, что «фиговый листок не одежда и даже самая пышная гилянда из роз — только украшение тела, но далеко еще не продукт искусства одеваться. Такое искусство начинается лишь там, где есть платье, есть для тела покров из шкуры или ткани»⁸. Иначе говоря, Мютцель понятие «одежда» ставит в зависимость от материала, не объясняя, почему набедренник из необработанных растительных волокон, постоянно носимый на теле, менее заслуживает названия «одежды», чем звериная шкура, лишь изредка набрасываемая на плечи.

Слово одежда употребляется и в более широком, и в более узком значении. В дальнейшем будет разбираться вопрос только об одежде в узком смысле этого слова, т. е. о тех покровах, которыми человек одевает свое туловище и верхние части конечностей. Если речь пойдет об одежде в более широком смысле слова, т. е. о совокупности покровов для всего человеческого тела, мы будем условно применять слово костюм, как давно вошедшее в употребление в русском языке.

Сужение термина и сужение самой темы исследования необходимы потому, что обувь и перчатки (или рукавицы) появились значительно позже, чем одежда, и упоминания о них в настоящей работе излишни. Происхождение головного убора более сложно, чем одежды, и должно быть разобрано особо. Но история одежды представляет собой генеральную линию в истории развития костюма, и выяснение ее происхождения поможет нам впоследствии при расшифровке происхождения всех остальных его частей. Сужение термина, кроме того, дает возможность с самого начала устранить из исследования смешение одежды с посторонними предметами и в первую очередь с украшениями. Боль-

⁴ Настоящая статья доводит исследование до порога возникновения одежды. Следующая будет посвящена самому процессу этого возникновения.

⁵ Ю. Липперт, *История культуры*, Л., 1925, стр. 87—90.

⁶ А. Левин-Дорш и Г. Кунов, *Первобытная техника*, М.—Л., б. г., стр. 403—404.

⁷ Б. Ф. Адлер, *От наготы до обильных одежд*, Берлин, 1923, стр. 6.

⁸ H. Mützel, *Vom Lendenschurz zur Modetracht*, Berlin, 1925, стр. 5.

Смелость тенденциозно-идеалистических объяснений происхождения одежды построено именно на таком совершенно необоснованном смешении.

Украшения нетрудно отделить от одежды. Л. Я. Штернберг еще в 1902 г. писал: «Украшения — термин, под которым в этнографии понимаются все те объекты и приемы убранства человеческого тела, которые независимо от своего первоначального генезиса, либо с самого начала, либо с течением времени стали предназначаться для того, чтобы вызывать у других благоприятные для украшаемой личности эмоции — эстетические, эротические, удивления, уважения, страха и т. п.»⁹.

Далее Л. Я. Штернберг отметил, что «материалами, из которых готовятся украшения, у первобытных народов, на самых ранних ступенях, служат камни, зубы, когти, кости, волосы животных и людей, раковины, железо, стекло, бусы, кораллы и жемчуг»¹⁰.

Хотя далеко не все указанные Л. Я. Штернбергом материалы (например, железо, стекло, бусы) можно считать свойственными первобытной эпохе, но все-таки его перечисление в основе правильно и помогает выделить одну общую характерную черту: материал, используемый для целей «этнографического» украшения, всегда выбирается твердый или во всяком случае прочный и устойчивый, или же украшение фиксируется на самом теле человека. В противоположность этому одежда делается с самого начала из травы, лыка, шкур и т. п., т. е. не из столь прочного, но сравнительно мягкого и облегающего материала.

Насколько можно проследить, уже у самых первобытных народов украшения, как правило, связаны с заслугами (охотничьими или иными) или с событиями в жизни данного человека, с достижением им определенного возраста, с вступлением в брак, у женщин — с рождением детей: украшения служат также племенными и родовыми отличиями. По мере того как та или другая из названных функций отпадает, «этнографическое» украшение изменяет свой характер, превращаясь в украшение в современном смысле этого слова или же в талисман.

Каково бы ни было назначение первичных украшений, но ни один твердый предмет, прикреплен ли он к шнурку на шее или на бедрах или в ином месте, а также ни татуировка, ни рубцы на теле ни от чего человека не защищали и не защищают (автор имеет в виду, конечно, реальную практическую защиту, а не сомнительную роль пресловутых «магических оберегов»). Назначение же одежды — изоляция человеческого тела от грубого и непосредственного воздействия внешней среды и следовательно, защита его. А поскольку ни по материалу, ни по назначению украшения и одежда на заре своего появления не совпадают, то происхождение этих предметов различно, и они могут исследоваться независимо один от другого.

Пояс, из которого, по мнению многих авторов, будто бы «разрастается» одежда, не является одеждой. Появление пояса было вызвано, вероятно, стремлением сдавить или стянуть живот, чтобы уменьшить мучительное чувство голода в периоды недостаточного питания, сменяющиеся периодами наедания доотвала, во время которых живот растягивается¹¹. Во всяком случае это применение пояса широко распространено у самых отсталых народов, во всех частях света, даже там, где одежда употребляется непостоянно или где преобладает привычная нагота. Первобытный пояс наряду со своим основным назначением используется для подвешивания украшений или служит своего рода «карманом» для хранения и переноски различного рода мелких предметов, которые

⁹ Л. Я. Штернберг. Украшения. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. VII, 1902, г. 66, стр. 638.

¹⁰ Там же, стр. 638—641.

¹¹ См. И. Радко. Физические различия человеческих рас, СПб., 1902, стр. 20.

нужно иметь всегда при себе, но неудобно носить в руках¹². Одним словом, пояс — предмет вспомогательный.

Охотничьи маскировки и ритуальные наряды первобытного человека тоже должны быть исключены из понятия «одежда», что облегчит борьбу с остатками «магических» или «культовых» истолкований происхождения одежды, которые ничем нам не помогут.

Охотничьи маскировки, ритуальные наряды защитного характера не имеют. Они служат для лучшего подкрадывания к добыче или же целям перевоплощения в олицетворяющего тотем зверя или позднее в «духа», надеваются в исключительных случаях или применяются при магических церемониях и плясках, т. е. в необычной обстановке. Формы бытовой одежды складываются в условиях повседневного труда и зависят от него, а потому никак не могут быть «вдохновляемы» магией. Встречающееся иногда чисто внешнее сходство одежды и костюмировок объясняется тем, что оба эти вида, различные по назначению, зависят от форм человеческого тела и так или иначе должны к ним приспособляться.

В функции первобытной одежды не могла входить защита в случае опасности от человека или от зверя, потому что материал, из которого она изготовлялась, не соответствовал этой цели. Броня, панцырь, кольчуга, латы изобретены были много позднее и относятся к доспехам, а не к одежде. Бытовая одежда защищает человека не от случайной опасности, но от постоянных или периодически повторяющихся неблагоприятных воздействий окружающей природной среды.

Даже исследователи-идеалисты вынуждены признать значение температурных условий для наплечной одежды, а следовательно, и защитный ее характер. В противоположность этому, набедренную одежду они избрали опорным пунктом для построения своих гипотез. Некоторые из этих исследователей считали набедренную и наплечную одежду возникшей в разных широтах и от разных причин.

В поисках материалистического объяснения происхождения набедренной одежды некоторые авторы отмечали, что широкое распространение ее под тропиками объясняется тем, что область бедер там особенно нуждается в защите от укусов насекомых или от укусов и царапин во время продвижения сквозь тропические джунгли. Но нижняя часть туловища также нуждается — особенно при сидении — в защите от непосредственного соприкосновения с сырой или загрязненной почвой, вызывающего неприятные ощущения или даже простудные заболевания и воспалительные процессы. Ревматизм — одна из древнейших болезней. От него страдали и в палеолите, как это установлено по находкам патологически разросшихся костей, пещерные обитатели — и люди и медведи¹³.

Сыро и холодно бывает не только в пещерах и не только на севере, но и на юге. Простудные заболевания так же часты под тропиками, как и под прочими широтами, потому что ощущения холода и тепла зависят не столько от абсолютных температур, сколько от реакций и приспособленности человеческого тела к окружающей среде. Резкая смена дневных и ночных температур в тропическом климате хорошо известна. Миклухо-Маклай во время своего пребывания на Новой Гвинее, в ноябре 1876 г., записал в своем дневнике: «Когда температура по утрам опускается до +21°, то я положительно ощущаю холод, совершенно как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом»¹⁴. К резкой смене температур надо прибавить проливные дожди экваториальной зимы, по-

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, т. I, М.—Л., 1940, стр. 20.

¹³ См. Обермайер, Человек в его прошлом и настоящем, СПб., 1913, стр. 151 и 176.

¹⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, т. 1, стр. 168.

стоянную сырость тропических лесов и свирепствующую там и вызывающую сильный озноб малярию. Все это дает право утверждать, что ощущения холода, сырости и всевозможные, связанные с этими явлениями, страдания знакомы людям под всеми широтами.

С другой стороны, иссушающее и раздражающее действие солнца, ветра и песка в условиях жарких и сухих пустынь вызывает не меньшую потребность в защите тела одеждой, чем ощущения холода и сырости. Так, туареги ради предохранения от сухости воздуха не только закрываются полной одеждой и покрывают голову, но даже закутывают лицо, чего не делают и арктические народы. А пышный набедренный «наряд» из листьев в экваториальных странах служит не целям украшения и не вызывается чувством стыдливости, как это утверждают исследователи идеалисты. Такой наряд хоть отчасти предохраняет тело от изнуряющей жары.

Наконец, укулы колючек и укусы насекомых вовсе не составляют привилегии жаркого климата. Вспомним сибирский «гну» и то обстоятельство, что арктические оленеводы вынуждены каждую весну откочевывать к берегам Ледовитого океана, где свежий морской ветер разгоняет тучи мошкеры, от которой невероятно страдают не только люди, но и олени. Следовательно, основные условия, вызывающие у человека стремление защитить свое тело, имеются во всех широтах, лишь изменяясь по местностям. А потому противопоставлять наплечную одежду набедренной как типы северной и южной одежды — нельзя. И та, и другая нужны во всех климатах и возникают, как мы это увидим дальше, во всех уголках земного шара.

Таким образом, в любых широтах, при всяком климате и наплечная и набедренная одежда может служить — и служит действительно — защитой от всяких внешних постоянно действующих или периодически повторяющихся неблагоприятных явлений, изолируя человеческое тело от грубого соприкосновения с окружающими температурными и механическими раздражителями. А раз назначение одежды под всеми широтами одно и то же, то, значит, и возникновение ее всюду обусловлено единными законами.

Исходя из сказанного, мы можем дать следующее определение понятию «одежда».

Одежда представляет собой главную основу костюма, покрывающую полностью или неполностью туловище и верхние части конечностей человека. Она изготавливается из мягкого, не раздражающего кожу материала растительного или животного происхождения, обработанного или необработанного, и форма ее зависит от формы человеческого тела. По своему назначению одежда — одно из тех средств, к которым прибегает человек в поисках защиты от постоянно действующих или периодически повторяющихся неблагоприятных воздействий окружающей среды. Главным принципиальным отличием одежды от других предметов общего с ней назначения заключается не в форме и не в материале, а в характере ее употребления, всегда связанном с какой-либо деятельностью человека.

Это еще далеко несовершенное определение указывает, во-первых, на связь одежды с движением и трудом человека, а значит, на необходимость нового метода исследования, которое не ограничивалось бы статическим изучением типов и форм одежды, но искало бы разгадку их возникновения и развития в характерных движениях и положениях тела работающего человека, прослеживая изменения их на разных ступенях культуры. Во-вторых, если отбросить ряд посторонних одежде признаков (украшения, костюмировки, пояс и др.) и подчеркнуть основное назначение одежды как защиты, то точное понятие слова одежда ясно указывает на тесное родство ее с жилищем, постелью и одеялом, почему в поиске ее происхождения следует искать там же, где находятся

корни названных трех предметов материальной культуры. В-третьих, это определение понятия позволяет более или менее точно установить момент возникновения одежды. Она возникла тогда, когда человек впервые достаточно прочно укрепил на своем теле материал, употреблявшийся им прежде для постели и одеяла, чтобы иметь возможность пользоваться им во время движения или работы. Поскольку этим материалом в первобытные времена служили лишь шкуры и необработанные волокна, травы и листья растений, то укрепляться на теле эти материалы могли только посредством завязок, заколок или застежек, а потому время первого появления одного из этих предметов и есть время, с которого нужно начинать историю одежды. Остается выяснить, на какой ступени развития общества это происходит, т. е. определить древность одежды.

3. Древность одежды

Буржуазная наука распределяет современную одежду народов мира, представляющую собой пестрое многообразие различных типов и форм, в соответствии с зональностью на «арктическую», «тропическую» и на «одежду умеренного пояса» и считает это деление существовавшим всегда. У большинства народов земного шара в настоящее время дифференциация по зонам безусловно существует: одежда разных зон различается как по материалу, так и по форме. В арктике носят шитую меховую одежду, а под тропиками многие народы еще недавно довольствовались набедренниками из растительных материалов. Помимо чисто зональных различий, материалы и конструкция одежды специализированы и в зависимости от других особенностей географической среды: от поверхности и рельефа местности, от флоры, фауны, от климата (сырого или сухого), резкой смены дня и ночи и т. д. Одежда современных народов, как правило, хорошо приспособлена ко всем особенностям окружающей географической среды.

Кроме того, одежда дифференцируется по племени, полу, возрасту, по классовой принадлежности, хозяйственным условиям, характеру занятий населения и профессиям, по уровню техники, а также делится на зимнюю и летнюю, будничную и праздничную, специальную и домашнюю. Все это мы имеем в настоящее время, но это не значит, что такая сложная дифференциация и высокая степень приспособленности к окружающим природным и социальным условиям возникла сразу и что с самого начала под тропиками появился один тип одежды (нешитый), а в арктике — другой (рубашка и штаны). На таких неправильных позициях — одновременности возникновения различной в разных зонах шитой и нешитой одежды — стояла «школа культурных кругов».

Как бы ни стремились люди каменного века лучше укрыть свое тело от холода и сырости, но одного стремления было далеко не достаточно. Первичная одежда была одинаково неудобной и скудной всюду, где бы она ни возникала, но, конечно, в холодном климате ее скудость давала себя сильней чувствовать. Современного совершенства и приспособленности к условиям окружающей географической среды одежда достигла только в результате многовекового опыта и длительного исторического развития, пройдя через ряд последовательных этапов.

Зависимость одежды от культурного развития народов не требует доказательств. Но правильно, однако, и то, что в настоящее время при разных климатических условиях отсталая народность может носить более совершенный тип одежды (на севере), чем сравнительно более высоко развитая (под тропиками). В последнем случае задержку в развитии типа и незначительное количество покровов легко объяснить тем, что и такой тип одежды удовлетворяет потребность в ней в жарком

климате. Но одной зональностью не объяснишь появления высоко развитого типа одежды у эскимосов и ительменов. В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Нельзя упускать из виду и взаимных влияний народов.

Передача опыта от одной народности к другой бесспорно существует. Она ускоряет или несколько видоизменяет развитие одежды в каждом отдельном случае, но не нарушает общего хода исторической закономерности, выражающегося везде и всюду в определенной исторической последовательности появления различных типов одежды с тенденцией к постоянному усовершенствованию их.

В западном полушарии в доколумбовские времена, если исключить поздних переселенцев из Сибири — эскимосов и, может быть, племена Северной Канады, только мексиканцы и перуанцы уже носили рубашку. Все остальное — достижение позднейшего периода. Прочие живущие на юг от экватора племена обоих полушарий поражают примитивностью типов своей одежды, уменьшением ее разнообразия и ее оскудением, несмотря на то, что климатические условия здесь сильно колеблются. Все это происходит вследствие большей удаленности этих племен от передовых стран и большей самобытности их развития. Но это дает возможность легче проследить историческую последовательность развития одежды и возникновения древнейших ее типов. Наиболее культурные народы и в южном полушарии обладают более развитой одеждой по сравнению с отсталыми соседями. Но на первый взгляд это подметить трудно, а так как зональные условия здесь все-таки себя проявляют, задерживая развитие типов одежды, то может показаться, что различия, например, между одеждой полинезийцев и папуасов никакой нет. Однако это далеко не так. У папуасов Новой Гвинеи нельзя встретить утонченности полинезийской одежды. У них женщины ходят в юбках из травы, примитивно украшаемых разноцветными поперечными полосами. Из тапы делают только мужские «мали», и она далеко не достигает качества полинезийской тапы. Даже и между самими полинезийцами можно при пристальном наблюдении найти различия в одежде. Каждый остров имеет свои особенности. На Таити, например, вплотную подошли к созданию шитой одежды совершенно самостоятельным путем. Здесь, как и на ряде других островов, еще до появления европейцев начало сказываться в одежде классовое расслоение. Не только трудящиеся классы менее покрывали тело, особенно во время работы, но и «придворные» не смели в присутствии «короля» покрывать плечи, хотя делали это в обычное время¹⁵. Тонкость обработки материала, искусное его оформление, изготовление, например, замечательных плащей из перьев на Гавайских островах¹⁶ — все это говорит о том, что в исторически конкретной обстановке архаический тип одежды еще не доказательство ее примитивности. Надо учитывать утонченность формы или приемов драпировки, а также степень развития технической и художественной обработки материала.

У бушменов, ведда, огнеземельцев нет даже тех незначительных попыток художественного оформления одежды, которую можно наблюдать у папуасов. Материал и форма варьируются, но тип одежды сводится к плащу и к крайне скудной набедренной одежде. Огромная разница в климатических условиях обитания этих трех народностей почти не отразилась на одежде. Особенно поражает скудость одежды огнеземельцев, но она объясняется именно тем, что на такой низкой ступени развития самостоятельно создать более высокий тип одежды невозможно.

¹⁵ См. O. Forster, *Das Idyll von Tahiti*. Приведено по W. Bölsche, *Neue Welten*. Berlin, 1917. стр. 52.

¹⁶ См. О. Е. Коцебу, *Путешествия вокруг света*, М., 1948, стр. 121, 131—132.

В еще большей степени все сказанное касается и австралийцев, которых принято относить к средней ступени дикости, согласно периодизации Энгельса — Моргана. До появления европейцев они знали лишь самые примитивные виды одежды: аморфные плащи с завязками и небольшой лоскут из шкуры или пучок травы, прикрепленный к поясу. Плащи носили лишь более развитые восточные племена, преобладала же привычная нагота. Все это происходило не от недостатка технических средств для изготовления одежды. Австралийцы умели уже прясть нити¹⁷ и выделывать костяные иглы¹⁸, которыми сшивают мелкие шкурки в большие плащи, что, однако, нельзя назвать шитой одеждой. Шьют мешки, нанизывают ожерелья, чинят сети, плетеные предметы¹⁹, словом то, что никакого отношения к одежде не имеет. Таким образом, хотя техническая база уже имеется, но шитой одежды нет, и, как это видно из предыдущего обзора, еще очень далеко до ее создания.

Археологический материал дает подобную же картину. Около начала нашей эры, судя по изображениям современников и находкам в погребениях, у разных народов Европы были разнообразные типы одежды. При рассмотрении ее в совокупности оказывается, что в этот период все основные типы покроенной и шитой одежды уже имеются даже у варваров (высшей ступени), правда — в самой простейшей форме. Чем дальше в глубь времен, тем больше оскудевает и упрощается одежда. В период бронзы шитых типов одежды очень мало. В неолите можно точно зафиксировать только набедренники, а в верхнем палеолите назадки и «хвосты» (если исключить изображения замаскированных под животных людей, что к бытовой одежде отношения не имеет). Огромное большинство верхнепалеолитических изображений показывает нагих людей, представленных с замечательной реальностью: это не оставляет сомнений, что первобытные художники действительно каждый день могли наблюдать нагое тело и, следовательно, в этот период преобладала привычная нагота. Многочисленные находки иголок в верхнем палеолите ничуть не противоречат сказанному. На примере австралийцев мы видим, что иметь иголки могут и люди, не знающие шитой одежды, и что в этом случае игла используется при работах, не связанных с изготовлением одежды. Верхний палеолит это та же средняя ступень дикости, а потому сопоставление этой культуры с австралийской вполне закономерно и широко применяется в науке. Из всего этого можно сделать вывод, что на этой ступени развития возможны лишь аморфные плащи, далеко не всегда носимые и крайне скудные начатки набедренной одежды.

Совсем иначе принято изображать одежду неолита и верхнего палеолита в буржуазной археологии. Находки иголки используются как непреложное доказательство существования шитой одежды у кроманьонца. Игнорируя свидетельство огромного большинства скульптурных или иных изображений человека, ясно показывающих его нагим, пускаются на всякого рода ухищрения, чтобы заставить читателя увидеть на изображениях и в другом археологическом материале верхнего палеолита то, чего там не было, да и быть не могло, т. е. рубашку и штаны, как у современных арктических народов.

Буржуазные археологи преследуют при этом явно реакционные цели. Они или доказывают «застойность» культуры и общую недоразвитость народа, остановившегося будто бы на уровне каменного века (например, в тех случаях, когда речь идет о славянских древностях), либо, наоборот, — извечность человеческой культуры, уже на такой ранней

¹⁷ См. П. И. Борисковский, Начатки текстильной техники у австралийцев, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 8, стр. 18—25.

¹⁸ См. Н. К. Kunike, Australische Märchen, «Erdball», 1928, № 11, стр. 415.

¹⁹ См. П. И. Борисковский, Указ. раб. стр. 21 и сл.

стадии, как верхний палеолит, создавшей якобы вполне современный тип покроевой одежды.

Даже некоторые советские археологи идут по тому же пути. П. П. Ефименко, например, нарисовал подробную картину шитья и «раскроя» одежды в верхнем палеолите, списав ее прямо с этнографических данных об эскимосах²⁰. А. П. Окладников, борющийся против отождествления мадленской культуры с эскимосской и убедительно доказывавший это на примерах буретинских жилищ и других предметов культуры²¹, — не только увидел меховой комбинезон с капюшоном на крайне схематичной статуэтке из Бурети, но и вывел отсюда широко идущие заключения о полной доказанности такой «арктической» одежды для всего мезолита и даже палеолита²², хотя графически изображенные «капюшона» совпадает с встречающимся в широко известных австралийских наскальных росписях изображением волос²³, а отдельные точки на статуэтке не могут изображать шитую меховую одежду, да еще комбинированную. А. П. Окладников, кстати, стоит на точке зрения неизменяемости типов одежды со времени неолита. В одной работе он, например, утверждает, что одежда эвенков не изменялась с энеолита и что 3000 лет назад эвенки (или их предки) выглядели такими, как и сейчас²⁴. Однако одного анализа украшений для таких утверждений мало; чтобы судить о древней одежде, нужно прежде всего изучить историю одежды.

Для того чтобы положить основание историческому исследованию происхождения одежды, надо раз и навсегда покончить с гипнозом «шитой одежды палеолита». Она не могла появиться на такой ранней стадии культуры и не могла быть создана сразу. Развитие одежды гораздо более сложный процесс, чем это обычно себе представляют. Между первичной аморфной и шитой одеждой были промежуточные звенья. Без них рубашка никогда бы не появилась. Нужен был длительный и упорный труд многих поколений для создания даже самого примитивного покрова в одежде.

Если принять все сказанное во внимание и отбросить все антиисторические натяжки, то окажется, что данные археологии и этнографии в отношении средней ступени дикости полностью совпадают. Они показывают, что одежда на этой ступени, хотя и была, так как существовали завязки, но настолько примитивная и, повидимому, неудобная, что преобладала привычная нагота. Более примитивной одежды найти нельзя. А потому среднюю ступень дикости следует признать историческим моментом возникновения одежды. По данным археологии, на низшей ступени дикости не было даже умения привязывать орудия труда к рукояткам, т. е. не существовало искусства завязывать узлы, и никакой одежды быть не могло. Но так как у мустьерского человека имелось уже скребло и, значит, началась обработка шкур, то допустимо говорить о предпосылках для создания одежды в этот период и о наличии прототипов ее²⁵.

²⁰ См. П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, Л., 1939, стр. 337—338.

²¹ См. А. П. Окладников, *Палеолитические жилища в Бурети*, «Краткие сообщения ИИМК», X, 1941, стр. 30.

²² См. А. П. Окладников, *Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре*, «Советская археология», т. V, стр. 292.

²³ См., например, у Г. Кюн, *Искусство первобытных народов*, М.—Л., 1933, табл. 10, рис. 21.

²⁴ См. А. П. Окладников, *Неолитические памятники как источники по этногонии Сибиря и Дальнего Востока*, «Краткие сообщения ИИМК», т. IX, 1941, стр. 9—11.

²⁵ Утверждение автора, что в эпоху верхнего палеолита еще не было шитой одежды, — весьма спорно, а приводимые им аргументы не вполне убедительны. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. — *Ред.*

4. Прототипы одежды: шалаш — постель

На низшей ступени дикости одежды еще не было, но в течение этого периода происходил подготовительный процесс, в результате которого были выработаны прототипы одежды и, таким образом, заложено основание для ее создания. Но археология, этнография и лингвистика бессильны помочь найти эти прототипы одежды. Приходится обратиться к зоологии — не смогут ли помочь данные о «строительном искусстве» человекообразных обезьян?

Брэм в «Жизни животных» подчеркивает, что человекообразные обезьяны в отличие от всех других умеют в разветвлениях деревьев устраивать себе мягкое ночное ложе. Такие их приюты путешественники называют то помостами, то койками, то платформами, а среди туземных племен нередко существует убеждение, что обезьяны строят себе хижины. Это, конечно, неверно. Более подробно о технике строительства у шимпанзе говорит Кёлер в своем «Исследовании интеллекта человекообразных обезьян», написанном на основании длительных наблюдений над ними на Антропоидной станции о-ва Тенериф. Кёлер утверждает, что все шимпанзе с самой ранней молодости, строили гнезда, похожие на гнездо аиста. Шимпанзе Антропоидной станции устраивали гнезда не только ночью, но и днем, как только им попадался подходящий для этой цели материал, такой который можно загибать и скручивать, а в сырые и холодные ночи стремились покрыться сверху листьями²⁶.

Эти данные, а также сведения, сообщаемые Уоллесом²⁷, дают нам некоторое право предполагать, что человек с первых шагов своего становления уже обладал предварительным опытом в строительстве «жилищ», которые были постелями, а не жилищами, так как в них не жили, а только спали. Они служили недолго, строились быстро и непрочны; в основе их техники было заложено свивание и переплетание ветвей. Жилища-постели, предназначенные для сна и согревания одной-двух особей, неизбежно были малых размеров, а листовая «крыша» их очень низка, так как иначе она не могла бы одновременно выполнять и функции одеяла.

В устройстве таких «жилищ» или, лучше сказать, «шалашей-постелей» вначале едва ли могли быть устойчивость и определенность. По мере расселения человека из областей его первоначального становления, в зависимости от местных условий, материал и техника их выполнения становились все разнообразнее, но назначение у всех было одно.

В связи с переходом человека к наземному образу жизни условия работы «строителей» изменились. Земля представляла собой готовую опору, какой раньше не могли дать деревья, но зато над головой теперь уже не было густой массы листвы, дополнявшей предкам человека подобие кровли над гнездом. Поэтому техника устройства «шалаша-постели» начинает развиваться в сторону усовершенствования «крыши-одеяла». Это вполне соответствует хорошо известному в этнографии факту, что встречающиеся и ныне у отсталых народов низкие шалаша представляют собой по существу только одну крышу. Эта конструкция жилища сохраняется довольно долго, даже после увеличения его размеров на более высоких ступенях развития. Стены появляются поздно и, по видимому, ведут свое происхождение от заслонов, устраиваемых женщинами в целях защиты разложенного костра от ветра. Но это происходит уже после разделения путей развития жилища и одежды, а поэтому к настоящей теме отношения не имеет.

* См. В. Кёлер, Исследование интеллекта человекообразных обезьян, 1930.

26—75.

27 См. А. Р. Уоллес, Малайский архипелаг, СПб., 1872, стр. 56—57 и 65.

До полного овладения искусством поддержания огня шалаши-постели с их низкой кровлей были особенно необходимы человеку для защиты от холода и непогоды. В. К. Арсеньев рассказывает, как его проводник по дебрям Уссурийского края гольд-охотник Дерсу Узала спас жизнь и себе и Арсеньеву, устроив или, вернее, связав из травы низкий шалаш, когда их внезапно застала на озере Ханка снежная буря, причем у них не было ни спичек, ни куска сухого дерева, чтобы разжечь огонь. Шалаш, который устроил Дерсу Узала, был только постелью для двух человек, лежавших, плотно прижавшись один к другому, а низкая травяная крыша его сыграла роль одеяла, согрев замерзавших путешественников²⁸. Итак, в некоторых случаях шалаши-постели бытуют в качестве временного приюта и в настоящее время. Сведений о пользовании подобными шалашами можно найти множество. Особенно часто они встречаются у племен, ведущих охотничий или пастушеский передвижной образ жизни. Стенли рассказывает о сторожевых шалашах у негриллей (пигмеев) Африки: «В расстоянии примерно пятидесяти сажен от лагеря, на каждой из тропинок, ведущих к нему, ставится шалаш, в котором едва могут поместиться двое карликов; этот шалаш отверстием своим обращен к тропинке». Настоящие хижины негриллей, устраиваемые в лагерях, хотя тоже низкие, но все же значительно поместительнее. Стенли говорит, что они «состоят из низкого шалаша овальной формы, вроде половинки яйца, перерезанного вдоль; двери вышиной от двух до трех футов помещаются на обоих концах»²⁹. По другим источникам строительство этих хижин таково: «Для устройства хижины они нарезают или наламывают веток, втыкают их вокруг избранного для хижины места и сплетают верхушки их сводом, накрывая верх листьями фринии или калатеи. Вход в хижины, представляющий отверстие в 50 см высоты, остается открытым; против него на кучке земли в виде гнезда горит огонь»³⁰. Судя по этому описанию и по фотографии³¹, на которой входное отверстие занимает приблизительно треть хижины, высшая точка ее не превышает полутора-двух метров. Огонь разводится снаружи и потому можно думать, что эти хижины — только усовершенствованные и увеличенные в размерах шалаши-постели, хотя, принимая во внимание низкорослость их строителей, высоту их можно считать достаточно нормальной. В прошлом же они, подобно сторожевым шалашам, были, вероятно, значительно меньше.

Конечно, нужно остерегаться связывать каждый бытующий временный шалаш с шалашом низшей ступени дикости, особенно если он встречается у народов с высокоразвитой культурой. Вовсе не обязательна непосредственная преемственность от времен седой древности. Даже там, где подобные шалаши давно вышли из употребления, они могут появиться опять, когда обстоятельства вызывают их к жизни. Принцип устройства их так несложен, что на высших ступенях развития они могут многократно создаваться и по миновании надобности забываться вновь. Только техника устройства и формы их будут каждый раз уже иными, более усовершенствованными, чем это было в эпоху дикости.

Высказанное мною здесь предположение о том, что древнейшее из созданных руками человека убежищ было таких малых размеров, что не вмещало в себе больше одного или двух человек, не должно быть истолковано как попытка изобразить первоначальных людей индивидуально бродящими дикарями. Напротив, как указывал еще Энгельс, не только человек, но и его ближайшие предки были общественными

²⁸ См. В. К. Арсеньев, Дерсу Узала, М.—Л., 1936, стр. 49—52.

²⁹ Г. Стенли. Обитатели лесов центральной Африки, сб. «Африка», сост. А. Крубером и др., 1905, стр. 322—328.

³⁰ Ал. Острогорский. Народы земли, СПб., т. II, стр. 122.

³¹ Сб. «Африка», фотогр. на стр. 324.

животными. Малые размеры шалаша легко объясняются недостаточностью технического умения у «строителей», которым конструкция большого дома была еще не по силам. Низкая же форма шалаша была вначале жизненно необходимой и имела чисто практическое назначение.

Не противоречит это положение и утверждению Моргана о том, что первое жилище человека носило коллективный характер. Утверждение это совершенно правильно, потому что жилище в полном смысле этого слова появилось только тогда, когда человек овладел уже искусством делать сооружения достаточно больших размеров для включения в них очага, помещения утвари или вмещения некоторой группы людей, которые могли в нем не только лежать или сидеть, но стоять и передвигаться и, следовательно, жить. С этого момента такое сооружение, не теряя своего прежнего назначения защиты, приобретает еще новые функции и новый социальный смысл как центральное место пребывания, приготовления пищи и ведения совместного хозяйства целой родовой группы. Но это происходит много позднее описываемого периода.

Разумеется, на низшей ступени дикости первобытные шалашы выполнять столько разнообразных функций не могли, они были только защитой и приютом во время сна. Иногда и в представлении современных отсталых народов низкий шалаш теснее связан с постелью, чем с домом. Об этом говорят записанные Н. Н. Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее сведения о диалектах деревень Горенду и Бонгу. Большая мужская хижина называется буамбрамра, хижина вообще — таль, тааль, маленькая хижина — таль-до, а низкая хижина — барла. Но словом барла обозначаются также бамбуковые нары для спанья и сиденья-помост, на котором происходят пиры. Кобум-барла — платформа на пироге, на которой лежат и под которой укрываются во время дождя (кобум — пирога)³². Если сами строители таких жилищ называют их «постелью», то имеется основание утверждать, что первобытный шалаш послужил прототипом не только для жилища, но и для постели, а кровля его представляла зачаточную форму, с одной стороны, — крыши, с другой, — одеяла.

Следовательно, существование шалаша-постели не прошло бесплодно, так как процесс его изживания и отмирания начался только после того, как он дал новые жизнеустойчивые производные формы, имевшие огромное значение для развития материальной культуры человеческого общества.

5. Прототипы одежды: одеяло и покрывало

Низкий шалаш представлял собой недифференцированный еще общий прототип и жилища и постели, но в дальнейшем и то другое должно было пойти своим путем развития. Для этого прежде всего было необходимо, чтобы произошел отрыв крыши от одеяла. Первичный материал для кровли шалашей первобытных людей был тот же, которым пользовались еще их животные предки, — растительный. Такой материал годился и для постели, и возможно, что уже в упомянутый период внутри шалаша иногда устраивалось ложе из листьев или травы. Но растительный материал не был пригоден для настоящего одеяла, в которое можно было бы закататься, потому что изготовлять из него плетеные циновки люди еще не научились, отдельными же листьями можно было только прикрыться сверху. В несколько углубленном гнезде обезьяны так и делают, но на плоской земле человеку это было неудобно. Некоторые исследователи полагали, что первыми жилищами были землянки, но это невероятно. Руки первобытного человека не были приспособлены для копания, и вряд ли он своими аморфными орудиями

³² Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия. М.—Л., 1940, т. 1, стр. 275.

для палками выкапывал из земли что-нибудь, кроме корней и других пригодных в пищу предметов. Вернее всего, что шалаши-постели были только наземными убежищами. В опровержение этого нельзя ссылаться на костенковские землянки. По сравнению с глубокой древностью синантропа и гейдельбергского человека верхний палеолит — это вчерашний день. Костенковцы были уже опытными строителями. В начале же низшей ступени дикости построить нечто подобное их жилищу было невозможно. Здесь огромную роль предстояло сыграть естественным убежищам, т. е. пещерам и навесам скал. К ним от открытых стоянок люди начали постепенно переходить — как свидетельствуют данные археологии — уже в эпоху ашеля и мустье, в последующие эпохи роль пещер как человеческих обиталищ еще более увеличилась³³. В этих убежищах крыша (вернее, потолок пещеры) перестала греть человека и фактически отделилась от одеяла. С момента освоения естественных убежищ пути развития жилища и постели разделились. В сознании же человека еще долго не было ясного разграничения между понятиями «крыша» и «одеяло», и следы этого дошли до нашего времени. Даже в современном русском языке такие слова, как «крыша», «укрываться», «покрыть», «кровля», «покров», «покрывало», имеют общее происхождение.

Вторым условием, необходимым для усовершенствования изолированного от крыши одеяла, было наличие материала, пригодного для целей укутывания в него. Таким материалом могли быть только шкуры, и притом большие по размерам, потому что не было еще технических средств для сшивания мелких шкурок. Поэтому только с переходом человека к охоте на крупных зверей открылась перспектива для появления настоящего одеяла.

Но этого было еще недостаточно. Мало было добыть шкуру, надо было научиться хотя бы грубо ее обрабатывать, а такое искусство, конечно, не могло прийти сразу. Синантроп жил в пещере, а шельский человек переходил уже к охоте на крупных зверей, но ни тот, ни другой не извлекали пользы из добываемых ими шкур животных, потому что не имели орудий для их обработки. Наличие соответствующих орудий есть третье условие, необходимое для появления одеяла, изготовленного из шкуры.

Естественные убежища и крупные звери встречаются не везде. Вот почему и одеяло создается не везде на одной и той же ступени развития общества. Раньше всего оно появляется там, где совпадают указанные три условия для его создания. Таковы именно они были в Европе и в Средней Азии в среднем палеолите в конце низшей ступени дикости.

Мустьерский человек, или неандерталец, как правило, жил в пещерах, охотился на крупных зверей и обладал специальным орудием, главным назначением которого, по заключению археологов, была очистка шкур от мездры. Трудно допустить, чтобы эта очистка применялась с самого начала вполне сознательно для изготовления постели или одеяла. Более вероятно, что очистка шкур производилась первоначально только в целях снятия с них съедобных остатков. Лишь длительный опыт показал человеку, что шкура после очистки от последних съедобных остатков годится для иного употребления и, конечно, в первую очередь для вполне уже понятных целей, т. е. для постели и одеяла. При самом зарождении техники обработки шкур не могла тотчас же появиться и одежда. Неандерталец «придумать» ее не мог.

Археологи, правда, считают одежду в среднем палеолите уже «несомненным» фактом³⁴ и допускают существование одежды из «простой»

³³ См. А. В. Арпиховский, Введение в археологию, изд. 3-е, М., 1947, стр. 9, 12 и др.

³⁴ В. И. Равдоникас, История первобытного общества, ч. 1, Л., 1939, стр. 180.

шкуры животного, закреплявшейся на теле человека ремешками³⁵. Но никаких ремешков в среднем палеолите быть не могло. Появлению ремней должна была предшествовать сложная техника обработки кож, чего в указанный период не было. Неандертальцу не могли даже прийти в голову «мысль» о преднамеренном снятии волос со шкуры, да еще и о выкраивании из такой шкуры узких ремешков, а если бы пришла, то он не сумел бы ее осуществить. Чтобы выкроить узкий и прямой ремень, нужно предварительно обладать умением проводить прямые линии. Мустьерцу еще не приходилось встречаться с такого рода работами, которые могли бы его научить этому. Изготовление каменных орудий этого не требовало. Ни обработка шкуры, ни сами шкуры на понимание прямой линии его не наталкивали. Деревья и травы были единственными примерами прямых линий, которые мог видеть древний человек, но прямые линии этих предметов в процессе своего труда он не использовал. Ветви и травы он гнул, переплетал и свивал, всегда в практической работе имея дело с изогнутыми линиями, кругами и овалами или близкими к ним формами. Единственное исключение — это копые, однако не человек придавал копыю прямую форму, — он получил ее уже готовой. Следовательно, производственный опыт древнего человека не мог помочь ему приобрести технику выкраивания прямых ремней. Но если человеку в то время и удалось бы выкроить такой ремень, то завязать им он все равно ничего бы не смог. «Кожа животных, как известно, содержит клеевые вещества (белки), — пишет советский археолог С. А. Семенов. — Необработанная, высохшая кожа превращается в морщинистую хрупкую пластинку»³⁶. Разумеется, ремень из подобного материала для завязывания не годился, а шкуры неандертальца и представляли собой такой недолговечный, быстро высыхающий и быстро портящийся материал. К смазыванию их жиром и разминанию человек пришел далеко не сразу. Даже находящиеся на высшей ступени дикости современные отсталые народы очень грубо обрабатывают шкуры и, не зная выделки кожи, мало пользуются ремнями, а если и пользуются, то для прочности соединяют их с другими материалами. Из этого следует, что мустьерские ремни нужно отнести к числу археологических мифов.

С. А. Семенов полагает, что ремни непременно должны были быть в палеолите. В доказательство этого своего положения он приводит сравнения из практики современных северных народов с их высокоспециализированной культурой, древнерусских ремесленников XI—XIII вв., современных кустарей. Он сам признает, что его исследование было произведено «не на материале каменного века»³⁷. С. А. Семенов стремится доказать, что техника разминания ремней всегда была одна и та же, нисколько не совершенствуясь в течение тысячелетий, а поэтому приходит к выводу, что «изготовление пошивных и всяких других ремней, безусловно, имело место и на более ранних стадиях хозяйственной деятельности человека. Особенно в палеолите, в арктических условиях, когда использование волокнистых растений было невозможно, человек, наряду с сухожилиями, очевидно, употреблял и ремни для одной и той же цели — сшивания»³⁸.

В свете разобранного выше материала со всей очевидностью выступает ошибочность концепции С. А. Семенова. Она представляет собой

³⁵ П. П. Ефименко, указ. раб., стр. 280.

³⁶ С. А. Семенов, Костяные разбивники из Роданова городища, «Краткие сообщения ИИМК», XV, 1947, стр. 141.

³⁷ Там же, стр. 138.

³⁸ Там же, стр. 142.

предрассудок, унаследованный еще от старой археологии и влекущий за собой целую серию недоразумений³⁹.

Так, мифические ремешки положены в основу легенды о неандертальских боласах, которую вслед за Обермайером некритично повторяют не только буржуазные, но и советские археологи. А между тем, по этнографическим данным, боласы орудие очень позднее. Даже птичьи бола эскимосов недавнего происхождения, не говоря уже о патагонских орудиях, типично наезднических, появившихся уже в послеколумбовское время в связи с распространением в Америке лошади и переходом патагонцев к наезднически-охотническому образу жизни. Разумеется, ничего подобного не могло быть у неандертальца, хотя Обермайер, а вслед за ним многие другие развивали картину «погони» с боласом в руках за убегающим животным.

Из сказанного ясно, на какую шаткую базу опирается «гипотеза ремней», а с нею вместе и утверждения о существовании одежды у мустьерского человека. В основу тенденции во что бы то ни стало доказать, что у неандертальца была уже одежда, легло в свое время убеждение о невозможности для человека пережить ледниковый период без нее. Убеждение это опиралось когда-то на давно устаревшее и опровергнутое новейшими данными геологии⁴⁰ представление о климате ледникового периода как об арктическом. Такая точка зрения, как это видно из приведенных выше слов С. А. Семенова, имеет еще и в настоящее время своих приверженцев. Но вопрос о климате ледникового периода подвергнут советскими археологами серьезному пересмотру; ныне преобладает мнение, что в период «великого рисского оледенения» мустьерский человек жил в климатических условиях, близких к современным условиям Огненной Земли.

Новое мнение улучшило взгляды на одежду древнего человека в сторону развития утилитаризма, но не окончательно исправило их, потому что стали проводиться упрощенные параллели между одеждой огнеземельцев и мустьерцев. Такие параллели неправильны, потому что те и другие стоят на совершенно различных ступенях культуры. Правда, огнеземельцы представляли собой не единое целое, а ряд племен с различными градациями культурного развития. В соответствии с этим у одних племен преобладала привычная нагота, а у других уже была настоящая и наплечная, и набедренная одежда, укрепляемая завязками или на поясе. Приписывать это максимальное достижение огнеземельца в развитии одежды человеку среднего палеолита никак нельзя, хотя сравнивать климатические условия Огненной Земли с условиями Европы ледникового периода можно и должно. Такое сравнение необходимо для принципиального решения вопроса, мог ли древний человек пережить великое оледенение без одежды или нет.

Способность человека закалять свое тело и приобретать невосприимчивость к холоду очень велика, при умелой тренировке. Невосприимчивость к холоду и приспособляемость к климатическим условиям у некоторых отсталых племен еще более изумительны. Например, огнеземельцы, как взрослые, так и дети, могут часами находиться голыми под хлопьями падающего снега⁴¹. Но обитатель Огненной Земли — это современный человек и по устройству организма ничем не отличается

³⁹ Как уже указывалось выше, аргументация автора не представляется здесь убедительной. Первобытный охотник мог вырезать ремни, хотя бы и не прямые, а изогнутые, мог непреднамеренно или преднамеренно смазывать их жиром, делая более мягкими. Кроме того, для завязывания могли служить и естественные узки кобцы, как и ремешки с лап животного. Но спорность утверждений автора в этой части не мешает считать его концепцию быть очень интересной. — *Ред.*

⁴⁰ См. А. И. Мазарович, Историческая геология, М.—Л., 1937, стр. 388—389, 391.

⁴¹ См. Дарвин, Путешествие натуралиста вокруг света, М.—Л., 1941, стр. 183,

от европейца. Если же долговременная тренировка поколений выработала у него привычку к холоду, то тем более привычен был к нему и древний житель ледниковой Европы. Он был, повидимому, аборигеном Европы, и его предки пережили в ней все изменения и ухудшения ее климата, а также похолодание, связанное с наступлением льдов. Значит, организм мустьерского человека приспособлялся к новым условиям в процессе самого похолодания, и он должен был еще лучше переносить холод и сырость, чем переносят его современные огнеземельцы в тех же условиях. Он безусловно мог обходиться без одежды во время движения на воздухе или во время работы, ибо движение и работа способствуют согреванию тела. Следовательно, одежда не была вопросом жизни и смерти для человечества даже в ледниковый период. Но это не значит, что люди в то время совсем не ощущали холода и не страдали от него.

При определении понятия «одежда» уже указывалось, что, несмотря на все приспособление к климату, страданиям от холода и сырости и мучительным простудным заболеваниями человек подвержен во всех широтах и был им подвержен уже с глубокой древности. Приспособление к климату, конечно, покупалось тяжелой ценой и поглощало огромное количество физических сил и энергии первобытного человека. Вопрос о лучшем согревании тела был вопросом сохранения и накопления энергии, избытки которой могли бы быть с большей пользой направлены на другие цели. Поэтому создание одежды было необходимо для стимулирования и облегчения процесса дальнейшего культурного развития человеческого общества.

Из всего сказанного совершенно ясно вытекает, что потребность в согревании тела существовала и у мустьерца, особенно когда он находился в неподвижном состоянии. Лежа, древний человек имел возможность согревать себя не только огнем костра, но и постелью, и одеялом из шкур. Но этого было мало. Нужно было согреться также сидя и стоя. Здесь сказало все преимущество шкуры перед растительными покрывалами. Ею можно покрываться не только лежа, но и в ином положении; для этого приходилось ее накидывать на спину и придерживать на груди руками. Такой прием родился, повидимому, чисто рефлекторно. Появлению этого рефлекса могло содействовать именно то обстоятельство, что шкура хорошо согревала человека во время сна и при пробуждении контраст между теплой постелью и окружающим воздухом был так велик, что человек неосознанным движением схватывал края одеяла и стремился натянуть его на свое тело. Средняя часть шкуры неизбежно должна была прикрывать спину, потому что края ее сблизить удобно руками только спереди. К тому же сидели и стояли у костра, повернувшись к огню лицом, и поэтому спина нуждалась в лучшем укрытии, чем передняя часть тела.

Таким образом, появилось нечто среднее между одеялом и одеждой — то, что удобнее всего назвать условным термином «покрывало». Это уже нечто большее, чем одеяло, потому что функции покрывала более разнообразны и применение его шире. Но это еще не одежда, так как пользоваться покрывалом человеку можно только в неподвижном положении или же при медленном, размеренном передвижении (вряд ли свойственном мустьерскому человеку), но только не во время работы. Одежда же всегда тесно связана с деятельностью человека.

Появление покрывала было вызвано стремлением получить согреть свое тело, стремлением к защите. Покрывало действительно было защитой от внешних неблагоприятных условий — стоило только поплотнее в него закутаться. Задача защиты тела созданием покрывала была бы решена окончательно, если бы рукам не нужно было делать ничего другого кроме постоянного удерживания его на теле. Но руки нужны были древнему человеку ежеминутно, а при каждом движении

рук неуклюжая шкура неизбежно соскальзывала с плеч. В огромном большинстве случаев она падала сперва с правого плеча, а затем с левого, так как и в те времена правая рука играла в работе преобладающую роль. Она была лучше развита, и человек пользовался ею чаще, чем левой. Эта особенность появляется очень рано — она замечена уже на костях синантропа⁴² и на орудиях шельца⁴³.

Покрывало не вышло из употребления и после появления настоящей одежды и продолжало с нею сосуществовать вплоть до настоящего времени. Такой прием накидывания шкуры на плечи широко распространен у австралийцев, у тех же огнеземельцев, у патагонцев, у североамериканских индейцев и др.

Прием набрасывания покрывала не исчез с появлением тканей. Он встречался и у древних египтян и у древних греков — всюду, где носят плащи или шали на плечах как верхнюю одежду; он не вышел из употребления даже у современных народов — испанцев, шотландцев и др. Ношение пальто «в накидку» — последний отголосок первобытного способа употребления покрывала. Плащ из ткани и покроенная шитая распашная одежда имеют только то преимущество перед грубой шкурой, что при стоянии или медленном движении человека лежат на его плечах без придерживания руками. Но стоит только сделать более быстрое движение, как плащ, кафтан или пальто упадет или человек произвольным движением сбросит его сам, причем, как правило, сперва с правого, а потом с левого плеча. Подкроенный плащ или распашную одежду можно еще приноровиться удерживать на одном плече некоторое время. Отсюда появился прием ношения верхней одежды на одном плече, он типичен и для русского крестьянина. А. С. Пушкин метко характеризует его в «Истории села Горюхина», говоря про его жителей, что «тулуп обыкновенно накидывали они на одно плечо и сбрасывали при малейшем труде, требующем движения».

Прием накидывания на спину, удерживания покрывала руками и сбрасывания его с плеч проходит через все эпохи и равно свойственен всем народам. Но в настоящее время это только один из многих способов ношения шали, плаща и распашной одежды, применяемый временно и сравнительно с другими способами уже редко, а в мустьерскую эпоху он был единственным приемом обращения со шкурой. Появление покрывала зависит не от зональности или климата. Стадиально оно возникает прежде всего там, где рано появляется одеяло из шкур, и, следовательно, создание его зависит от тех же условий.

Потребности человека растут по мере их удолетворения. Поэтому после создания покрывала у человека появилась новая потребность — согреть и защищать тело во время движения и работы. Однако технически это сделать было еще невозможно, так как отсутствовали вспомогательные средства. Мы уже отметили невероятность изготовления ремней неандертальцами. Техника свивания и переплетания ветвей в своей зачаточной форме, правда, существовала и раньше и, конечно, должна была в течение среднего палеолита усовершенствоваться. Климатические условия, как мы видели, далеко не были арктическими, и древний человек вряд ли испытывал недостаток в растительном материале, по крайней мере летом. П. П. Ефименко предполагает даже, что древний человек должен был лучше строить жилища, чем современные австралийцы или тасманийцы. Во всяком случае он имел основания и возможность затрачивать на постройку жилища больше старания. Об этом свидетельствуют находки в мустьерских слоях каменных настилов и очажных ям. Но как ни совершенствовалась техника свивания и пере-

⁴² Г. Петров. Новое подтверждение теории Энгельса о происхождении человека, «Вестник знания», 1936, № 4, стр. 260

⁴³ П. П. Ефименко, указ. раб., стр. 170

плетания растительного материала, вряд ли мустьерец умел так хорошо обрабатывать и размягчать его, чтобы появилась возможность завязывать его узлами, без чего создание настоящей одежды немыслимо. Против наличия такого умения в мустьерскую эпоху говорит то обстоятельство, что орудия человека тогда были еще ручными и не привязывались к рукояткам, а также отсутствие просверленных предметов. То и другое появляется крайне редко только в самых поздних мустьерских слоях. Если же искусство завязывать узлы не было известно неандертальцу и возникло уже при переходе к верхнему палеолиту, то никакой — ни растительный, ни животный (ремни, кишки, сухожилья) материал не мог быть им использован для завязывания одежды. Застежки и заколки, судя по этнографическому материалу, появляются позднее завязок, следовательно, мустьерский человек не имел никаких средств для укрепления шкуры на своем теле и не был в состоянии создать одежду. Но стремление к этому у него уже было. Непосредственная, осязательная выгода, к которой он бессознательно стремился, была, как уже говорилось, — добиться лучшей защиты и согревания своего тела при работе и движении. Поэтому руки упорно продолжали хвататься за края покрывала в надежде удержать его на теле. Но оно мешало процессу работы и связывало движения, а потому те же руки сбрасывали его с плеч. Таким образом, завязалась борьба между двумя противоположными стремлениями: 1) прикрыть свое тело и 2) дать свободу рукам для работы. Борьба эта совсем не осознавалась человеческим мозгом. Здесь «мыслили», творили, искали решения задачи исключительно только руки. Борьба эта длилась тысячелетиями, но древний человек так и не дождался ее разрешения и дальше создания покрывала пойти не смог.

Но и это было огромным продвижением на пути к возникновению настоящей одежды. Имея покрывало, человек обладал уже достаточной опорной базой для создания одежды на следующем этапе культурного развития общества, когда технические достижения, производственный опыт и навыки к труду должны были обеспечить удовлетворительное решение стоявшей перед человеком задачи.